

Б. Суттнер

Долой оружие
(против войны)

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
Б11

Б11 **Б. Суттнер**
Долой оружие: (против войны)/ Б. Суттнер – М.: Книга по Требованию, 2013. –
320 с.

ISBN 978-5-517-97317-7

ISBN 978-5-517-97317-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

преимущества мужчинъ — испытывать такое чувство чести и долга! Если мнѣ приходилось слышать о стремленіяхъ женщинъ къ равноправности (во время моей молодости объ этомъ говорили мало, и то обыкновенно съ презрѣніемъ и порицаніемъ), я испытывала желаніе эмансипаціи только въ одномъ направленіи — именно, чтобы женщина имѣла право носить оружіе и сражаться. Ахъ! какъ пріятно было мнѣ тогда читать исторію Семирамиды или Екатерины II. „Она вела войну съ такимъ-то государствомъ и завоевала такую-то страну!“

Надобно сказать вообще, что исторія въ томъ видѣ, въ какомъ она преподается намъ въ юности, составляетъ главный источникъ нашихъ увлеченій войной. Такой характеръ ея запечатлѣваетъ въ умѣ ребенка убѣжденіе, что государи ведутъ постоянныя войны, что войны необходимы для развитія націй, что онѣ составляютъ неизбѣжный законъ природы и должны возникать отъ времени до времени, подобно морскимъ бурямъ и землетрясеніямъ; правда, онѣ несутъ съ собою и ужасы и бѣдствія, но эти послѣдніе съ избыткомъ покрываются для всего народа важностью полученныхъ результатовъ, для отдѣльныхъ личностей — блескомъ пріобрѣтенія славы или даже сознаніемъ исполненнаго высокаго долга. Гдѣ можно найти болѣе славную смерть, какъ не смерть на полѣ чести, и болѣе благородное безсмертіе, какъ не безсмертіе героя? Объ этомъ ясно и единодушно говорятъ всѣ учебники, всѣ „книги для чтенія“, гдѣ на ряду съ внѣшней исторіей, представленной только въ видѣ непрерывнаго ряда войнъ, идутъ отдѣльные рассказы и поэмы о героическихъ подвигахъ на поляхъ битвъ. Такова система воспитанія патріотовъ! Такъ какъ изъ каждаго ученика долженъ выйти защитникъ отечества, то въ каждаго ребенка долженъ быть вселенъ энтузіазмъ къ исполненію своего перваго долга; онъ долженъ быть безчувственъ къ тому естественному отвращенію, которое можетъ пробудиться въ немъ при видѣ ужасовъ войны; поэтому-то исторія рассказываетъ о самыхъ страшныхъ кровопролитіяхъ и избіеніяхъ самымъ увлекательнымъ образомъ, какъ

будто о самых обыкновенных и необходимых явлениях, выдвигая изо всех силъ только идеальную сторону этого древняго обычая. Такимъ путемъ имъ удастся образовать расу, которая жаждетъ войны, находя въ нихъ удовольствія.

Хотя дѣвочкамъ и не предстоитъ дѣйствовать на полѣ битвы, онѣ учатся по тѣмъ книгамъ, которыя имѣютъ цѣлю сдѣлать изъ мальчиковъ солдатъ, и усваиваютъ такія понятія, которыя заставляютъ ихъ завидовать тому, что онѣ не имѣютъ дѣла съ войной; и испытывать удивленіе предъ военнымъ сословіемъ. Начиная съ библейскихъ, македонскихъ и пуническихъ войнъ до тридцатилѣтней войны и походовъ Наполеона; развертываются ужасныя картины передъ нами, нѣжными дѣвушками, которыя во всехъ отношеніяхъ жизни должны быть мягкими и добрыми; мы видимъ сожженные города, перерѣзанныхъ жителей ихъ и ликующихъ побѣдителей,—и все это бываетъ для насъ настоящимъ наслажденіемъ; а такъ какъ накопленіе и постоянное повтореніе ужасовъ притупляютъ чувства, то все, что относится къ области войны, разсматривается уже не съ человѣческой точки зрѣнія, а получаетъ какое-то мистико - историко - политическое освѣщеніе. Войны должны быть, онѣ источникъ высшихъ заслугъ и почестей—и дѣвушки усваиваютъ это и заучиваютъ на память стихотворенія и рѣчи, въ которыхъ превозносятся войны. Отсюда-то появляются „матери-спартанки“, „матери знаменъ“ и тому подобныя котильонныя приглашенія, которыя раздаются офицерамъ.

Я воспитывалась не въ монастырѣ, какъ многія изъ дѣвушекъ моего круга, но въ домѣ моего отца, подъ руководствомъ гувернантокъ и учителей. Моя мать умерла рано, и при насъ, трехъ сестрахъ, ея мѣсто заступила наша тетка, старая канонисса. Мы проводили зиму въ Вѣнѣ, а лѣто — въ своемъ помѣстьѣ въ Нижней Австріи.

Я припоминаю, что гувернантки и учителя были очень довольны мною, такъ какъ я была прилежной, честолюбивой ученицей и обладала хорошею памятью. Не имѣя возможности удовлетворить свое честолюбіе

въ одержаніи побѣдъ, подобно героинямъ, я находила ему пищу въ отличныхъ отзывахъ преподавателей о моихъ урокахъ и въ ихъ восторженныхъ похвалахъ моей жадности къ ученью. Французскій и англійскій языки я знала почти въ совершенствѣ. По геологіи и астрономіи я прошла все, что считается обыкновенно необходимымъ для образованія дѣвушки, но по исторіи я знала больше, чѣмъ требовалось отъ меня. Изъ библиотеки своего отца я брала объемистыя историческія сочиненія, за которыми и проводила все время, отведенное мнѣ для чтенія. Мнѣ постоянно казалось, что я дѣлаю хоть немного умнѣ всякій разъ, какъ обогащу свои свѣдѣнія событіемъ, именемъ или датой изъ прошлой исторіи. Зато къ игрѣ на фортепіано, которая также входила въ планъ моего образованія, я чувствовала рѣшительное отвращеніе. У меня не было ни способности, ни охоты къ музыкѣ, и я чувствовала, что въ ней я не найду удовлетворенія своему честолюбію. Долго и упорно просила я не заставлятъ меня тратить на бессмысленное бряцанье дорогое мнѣ время, которое я могла бы употребить на другія занятія, такъ что мой добрый отецъ избавилъ меня, въ концѣ концовъ, отъ этого музыкальнаго рабства, къ великому неудовольствію тетки, убѣжденной, что безъ игры на фортепіано воспитаніе дѣвушки не можетъ быть полнымъ.

10 марта 1857 г. я праздновала исполненіе мнѣ семнадцати лѣтъ. „Уже семнадцать лѣтъ!“ записано подъ этимъ числомъ въ моемъ дневникѣ. Это „уже“ заключаетъ въ себѣ цѣлую драму. Хотя здѣсь и не прибавлено никакого поясненія, но вѣроятно я хотѣла сказать этимъ: „а я еще ничего не сдѣлала для безсмертія!“ Эта красная тетрадка оказываетъ мнѣ теперь превосходную услугу, когда мнѣ пришло въ голову написать автобіографію. Она позволяетъ мнѣ съ большою ясностью нарисовать самыя мелкія детали моихъ мыслей и чувствъ того времени, отъ которыхъ остались въ моей памяти неясныя абрисы, она воспроизводитъ цѣликомъ и давно забытыя думы и давно замолкшія рѣчи.

Въ предстоящій сезонъ я должна была „выѣзжать“.

Эта перспектива, правда, радовала меня, но не въ такой чрезвычайной мѣрѣ, какъ бываетъ это обыкновенно съ молодыми дѣвушками. Моя душа искала чего-то высшаго, чѣмъ балльные триумфы. Чего же я искала? Едва ли я отвѣтила бы сама себѣ на этотъ вопросъ. Вѣроятно, любви, хотя и не понимала этого. Всѣ эти грезы и стремленія къ чему-то и честолюбіе, которыя волнуютъ головы юношей и дѣвушекъ и проявляются во всевозможныхъ формахъ—и въ жаждѣ знанія, и въ страсти къ путешествіямъ и подвигамъ,—въ дѣйствительности большею частью не что иное, какъ не сознаваемое еще пробужденіе инстинкта любви.

Въ это лѣто моя тетка должна была ѣхать на воды въ Маріенбадъ. Она рѣшила взять меня съ собою. Хотя мое официальное вступленіе въ „свѣтъ“ должно было послѣдовать только наступающему зимову, однако мнѣ было дозволено принимать участіе въ небольшихъ танцахъ въ кургаузѣ для того, чтобъ я могла упражняться въ танцахъ и научиться держать себя и не оказалась такимъ образомъ застѣнчивой и неловкой при вступленіи въ мой первый выѣздной сезонъ.

Но что случалось на первомъ же посѣщенномъ мною собраніи? Серьезное и страстное увлеченіе. Героемъ былъ, конечно, гусарскій офицеръ. Статскіе, бывшіе въ залѣ, казались мнѣ сравнительно съ военными майскими жуками среди мотыльковъ. Изъ военныхъ самыми блестящими были, конечно, гусары; а изъ гусаровъ самымъ ослѣпительнымъ былъ графъ Арно Доцкій. Болѣе шести футовъ ростомъ, съ черными курчавыми волосами, съ закругленными усами, бѣлыми зубами, черными глазами, смотрящими глубоко и нѣжно, — однимъ словомъ, когда онъ спросилъ меня: „вы еще никому не обѣщали котильона, графиня?“ я почувствовала, что есть на свѣтѣ и другіе триумфы, столь же увлекательные, какъ и триумфы побѣдоносной Орлеанской дѣвы или царственной Екатерины Великой. Несяся по залѣ въ вальсѣ съ самой хорошенькой изъ всѣхъ присутствовавшихъ дѣвушекъ (спустя тридцать лѣтъ я могу это сказать), двадцатидвухлѣтній графъ испытывалъ, вѣроятно, нѣчто очень подобное мнѣ; онъ не-

премѣнно думалъ: „обладаніе тобой, милое существо, дороже маршальскихъ жезловъ“.

— Марта, Марта, что съ тобой!—шепнула мнѣ моя тетка, когда я, едва переводя дыханіе, опустилась на стулъ возлѣ нея, покрывъ ея голову тюлевыми волнами своего платья.

— Охъ! простите, тетя,—сказала я и сѣла, какъ слѣдуетъ.—Я нечаянно.

— Я не объ этомъ. Я говорю тебѣ по поводу твоего поведенія съ этимъ гусаромъ. Ты не должна такъ прижиматься къ мужчинѣ во время танцевъ... и зачѣмъ такъ близко и пристально смотрѣть ему въ глаза?

Я сильно покраснѣла. Неужели я держала себя неприлично? Можетъ-быть, „несравненный“ составилъ обо мнѣ дурное мнѣніе?

Но эти сомнѣнія и безпокойства разсѣялись еще во время бала; во время вальса послѣ ужина „несравненный“ шепталъ мнѣ: „Выслушайте меня, я не могу отложить... Вы должны узнать это сегодня же.. Я люблю васъ“.

Эти звуки были нѣсколько пріятнѣе „голосовъ“ Жанны д'Аркъ. Но такъ какъ танцы продолжались, я не могла ничего ему отвѣтить. Онъ, кажется, понялъ это, потому что остановился. Мы стояли въ пустомъ углу залы и могли свободно продолжать нашъ разговоръ.

— Скажите, графиня, на что я долженъ надѣяться?

— Я не понимаю васъ,—неискренно отвѣтила я ему.

— Можетъ-быть, вы не вѣрите, что можно полюбить при первой встрѣчѣ? До сихъ поръ я самъ считалъ это пустыми фразами, но сегодня я испыталъ на себѣ, что это—правда.

Какъ билось у меня сердце! Но я молчала.

— Я готовъ пойти на все,—продолжалъ онъ.—Вы или никто! Въ вашихъ рукахъ мое блаженство и моя смерть: безъ васъ я не хочу и не могу жить. Хотите вы быть моею?

На такой прямой вопросъ я вынуждена была отвѣтить что-нибудь. Я старалась найти какую-нибудь дипломатическую фразу, которая, не лишая графа надежды, не уронила бы и моего достоинства, но не могла ничего произнести, кромѣ дрожащаго шопота: „да“.

— Такъ что я могу завтра просить вашей руки у вашей тетушки и написать графу Альтгаузу?

— Да,— снова отвѣтила я, но на этотъ разъ нѣсколько тверже.

— О, какъ я счастлива! Значитъ, вы тоже съ перваго взгляда полюбили меня?

Я отвѣтила только глазами, но они очень ясно сказали: „да“.

Въ день моего рожденія, когда мнѣ исполнилось восемнадцать лѣтъ, была отпразднована наша свадьба; этой зимой я вступила въ „свѣтъ“ и была представлена императрицѣ. Послѣ вѣнчанія мы поѣхали въ Италію; для этого Арно взялъ продолжительный отпускъ; о выходѣ его въ отставку изъ военной службы у насъ не было и рѣчи. Правда, мы оба обладали порядочнымъ состояніемъ, но мой мужъ любилъ военную службу, и я сочувствовала ему. Я гордилась своимъ красивымъ гусарскимъ офицеромъ и съ самодовольствомъ ждала того времени, когда его произведутъ въ майоры, полковники и генералы. Кто знаетъ? Можетъ-быть, ему суждена важная роль; можетъ-быть, онъ будетъ блистать въ славной исторіи своей страны среди великихъ полководцевъ.

Я сильно сожалѣю о томъ, что красная тетрадка содержитъ пропускъ, обнимающій именно самое пріятное время—отъ помолвки до свадьбы и медовый мѣсяць. Конечно, радости тѣхъ дней забылись, разсѣялись и исчезли бы, если бы я и занесла ихъ сюда, но тогда по крайней мѣрѣ сохранились бы свѣтлыя воспоминанія о нихъ. Но нѣтъ! Для своихъ печалей и тревогъ я не могла найти достаточно жалобъ, многоточій и восклицательныхъ знаковъ. Свой горести я считала нужнымъ повѣдать всему міру, и современникамъ и потомству, но счастливыми часами я наслаждалась молча. Я не гордилась счастьемъ и не разговаривала о немъ ни съ кѣмъ, даже сама съ собой, въ своемъ дневникѣ; только въ страданіи и терпѣніи я видѣла нѣчто важное и много говорила о нихъ. Въ этой простой тетрадкѣ точно въ зеркалѣ отражалось все то, чѣмъ я была недовольна въ жизни, тогда какъ въ счастливыя минуты

ея листы оставались совершенно бѣлыми! Безсмысленно! Это похоже на то, какъ если бы кто-нибудь, составляя во время путешествія коллекцію, собиралъ изъ того, что попадалось ему на дорогѣ, только самое некрасивое, напримѣръ, если бы онъ наполнялъ свой ящикъ репейникомъ и колючками, жабами и червями и оставлялъ безъ вниманія цвѣты и бабочекъ.

Тѣмъ не менѣе я припоминаю, что это было хорошее время, какое-то волшебное сновидѣнiе. У меня было все, чего могло пожелать сердце молодой женщины: я была любима, богата, имѣла высокое положенiе, и многое для меня было такъ ново, такъ увлекательно, такъ невѣроятно! Мой Арно и я, мы любили другъ друга до самозабвенiя, со всѣмъ пыломъ молодости. Случилось, что мой милый обладалъ большими достоинствами, имѣлъ доброе сердце и благородный умъ, былъ свѣтски образованъ и весель... случилось... потому что марiенбадскiй балъ не могъ поручиться за то, что онъ не порочный и злой человѣкъ; случилось также, что и я была сравнительно умной, добросердечной женщиной, такъ какъ и онъ могъ бы на этомъ балу влюбиться въ красивую, но капризную и пустую женщину. Такимъ образомъ вышло совершенно случайно, что мы оба оказались вполнѣ счастливы, а потому и красная тетрадка, наполненная моими сѣтованiями, долгое время оставалась пустою.

Впрочемъ, подождите; я нахожу здѣсь одну веселую запись—восторги по поводу моего новаго положенiя: я сдѣлалась матерью. Перваго января 1859 года, какъ бы для новогодняго подарка, у насъ родился сынъ. Это событiе такъ удивило насъ и дало намъ столько гордости, какъ будто мы были первой супружеской четой, съ которой случилось происшествiе такого рода: оно было причиной того, что я снова взялась за свой дневникъ. Надобно же было сообщить потомству о такомъ важномъ чудѣ, происшедшемъ со мною, и о моемъ новомъ положенiи. Кромѣ того, самая тема „молодая мать“—такая необыкновенно благодарная для искусства и литературы; ей занимались съ наибольшимъ успѣхомъ и поэты, и художники; въ нее можно вложить и мисти-

ческую, и религиозную идею, ее можно обработать и трогательно, и патетически, и просто, и нѣжно, однимъ словомъ,—она безконечно поэтична. Какъ учебники стараются вселить любовь къ войнѣ, такъ на воспитаніе такого расположенія посвящаютъ свои силы драмы, иллюстрированные журналы, картинныя галереи и избитыя восторженныя фразы въ родѣ: „материнская любовь“, „материнское счастье“, „материнская гордость“. Какъ благоговѣніе передъ героями доводитъ до боготворенія ихъ (см. „Почитаніе героев“, Карлейля), такъ большинство боготворитъ своихъ дѣтей въ ихъ младенческомъ возрастѣ; и въ этомъ, конечно, я не отстала отъ другихъ. Мой маленькій очаровательный Руру былъ для меня величайшимъ чудомъ въ мірѣ. Ахъ, мой сынъ! мой благородный Рудольфъ! Сравнительно съ тѣмъ, что я чувствую теперь къ тебѣ, мое прежнее ребяческое восхищеніе тобою, моя прежняя неосмысленная, обезьянья, слѣпая любовь были такъ же ничтожны, какъ ничтоженъ запеленатый ребенокъ предъ взрослымъ мужчиной.

Не меньше гордился своимъ наследникомъ и молодой отецъ, воображая себѣ его блистательную будущность. „Чѣмъ онъ будетъ?“—вопросъ, хотя и очень преждевременный, тѣмъ не менѣе часто обсуждался у колыбели Руру, и мы постоянно рѣшали единодушно сдѣлать изъ него военнаго. Иногда со стороны матери раздавался слабый протестъ: „А вдругъ его возьмутъ на войну?“ „Вотъ еще“, отвѣчалъ отецъ на это возраженіе, „каждый умретъ такъ; какъ ему предназначено“. Руру, по нашимъ предположеніямъ, не долженъ былъ оставаться единственнымъ сыномъ; одинъ изъ слѣдующихъ сыновей можетъ идти по дипломатическому поприщу, другой будетъ сельскимъ хозяиномъ, третій пусть изберетъ духовное званіе, но старшій долженъ продолжать службу отпа и дѣда, службу самую благородную: онъ долженъ быть военнымъ.

На этомъ рѣшеніи мы остановились. Когда Руру исполнилось два мѣсяца, мы дали ему чинъ ефрейтора. Вѣдь всѣ кронпринцы тотчасъ же послѣ своего рожденія назначаются шефами полковъ, почему же и намъ

не украсить своего крошку какимъ-нибудь чиномъ? И эта игра въ солдатики съ нашимъ ребенкомъ сдѣлалась для насъ постояннымъ удовольствіемъ.

Перваго апрѣля, въ день его рожденія, который мы праздновали каждый мѣсяцъ, Руру былъ повышенъ изъ ефрейторскаго чина въ капральскій. Но въ этотъ самый день случилось нѣчто печальное, что легло тяжелымъ камнемъ на мое сердце и заставило меня снова обратиться къ своей красной тетрадкѣ.

На политическомъ горизонтѣ уже давно видѣлось зловѣщее черное облако, и относительно возможнаго разрастанія его въ газетахъ и частныхъ разговорахъ шли самые оживленные комментаріи. Я же все время и не думала объ этомъ. Мой мужъ, отецъ и ихъ военные знакомые часто говорили при мнѣ: „Намъ непременно придется имѣть дѣло съ Италіей“; но я никогда не вдумывалась въ такія фразы, у меня не было ни времени, ни желанія беспокоиться политическими вопросами. Всѣхъ вокругъ меня волновалъ вопросъ о нашихъ отношеніяхъ въ Сардиніи, о поведеніи Наполеона, помощью котораго заручился Кавуръ во время крымской кампаніи; велись постоянные разговоры о натянутости, вызванной этимъ союзомъ, между нами и итальянцами; я не обращала вниманія ни на что.

Перваго апрѣля мой мужъ сказалъ мнѣ серьезно:

— Знаешь, милая, вѣдь дѣло разгорится!

— Какое дѣло?

— Война съ Сардиніей.

Я испугалась.

— Боже мой! какъ это ужасно! И тебѣ надобно быть тамъ?

— Надѣюсь.

— Какъ можешь ты говорить такія вещи? „Надѣяться“ покинуть жену и ребенка!

— Если долгъ велить...

— Можно покоряться необходимости, но надѣяться, т.-е. ждать, что явится такой печальный долгъ!..

— Печальный! Такой походъ будетъ, вѣроятно, очень веселымъ и славнымъ! Не забывай, что ты—жена солдата!

Я бросилась ему на шею.—О, мой милый! Будь спокоенъ, я тоже могу быть храброй. Какъ часто я увлекалась подвигами героевъ и героинь прежнихъ временъ! Какое возвышающее чувство бываетъ, вѣроятно, передъ битвой! О, если бы мнѣ возможно было сражаться, пасть или побѣдить рядомъ съ тобой!

— Храбро, моя милая, но бессмысленно! Твое мѣсто здѣсь, у колыбели ребенка, который, выросши, также долженъ стать защитникомъ отечества. Твое мѣсто у нашего домашняго очага. Чтобы защитить его и сохранить его отъ непріятельскихъ нападений, чтобы дать нашимъ дѣтямъ и женамъ мирную и спокойную жизнь, намъ и приходится воевать.

Не знаю почему, но эти слова, которыя, въ точно такой же или подобной формѣ, я часто прежде слышала и читала, вполнѣ соглашаясь съ ними, теперь мнѣ показались ложной фразой. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, нашему „домашнему очагу“ не грозило никакой опасности, варварскія полчища не стояли передъ воротами... была просто-на-просто политическая натянутость между двумя кабинетами. Если же мой мужъ съ такимъ жаромъ рвался на войну, то причиной этого была не настоящая необходимость защитить жену, ребенка и отечество, а скорѣе перспектива тѣхъ удовольствій, которыя обѣщаль ему походъ — отличіе и повышеніе по службѣ. „Конечно, мысленно рѣшила я, это — честолюбіе, но честолюбіе благородное, достойное, желаніе отважно выполнить свой долгъ“.

„Это дѣлаетъ ему честь, что онъ радуется возможности дѣйствовать на полѣ битвы... но все это вѣдь неизвѣстно еще; можетъ-быть, и войны не будетъ; и даже въ случаѣ, если она вспыхнетъ, можетъ-быть, Арно и не придется идти: всю армию никогда не двигаютъ противъ врага. Невозможно, чтобы судьба, устроивъ мнѣ полное, совершенное счастье въ уютномъ кругу семьи, сама же жестоко разбила его. Арно, мой милый, дорогой Арно! Какъ страшно будетъ для меня знать, что ты въ опасности!“ Вотъ какія строки пѣливались въ тѣ дни изъ-подъ моего пера на страници дневника.

Въ красную тетрадку попадали тогда разсужденія и